

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — к.и.н., доцент кафедры общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; SRastorguev@fa.ru)

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена методологии анализа взаимоотношений акторов политической власти и бизнеса в современной России. На основе синтеза зарубежного и отечественного опыта предложен оригинальный авторский методологический подход «разноуровневых сетевых обменов». В его основе лежат концепции бипартизма, групп интересов, сетевого анализа, а также парадигма обмена ресурсами.

Ключевые слова: ресурсы, обмен ресурсами, политическая сеть, власть, бизнес, баланс

Осмысление взаимоотношений политической власти и бизнеса в современной России на мезоуровне (регион) и микроуровне (отдельная фирма) возможно в рамках концептуальных подходов плюрализма, корпоративизма, политических сетей, поскольку каждый из них содержит положения, применимые для анализа отдельных практик взаимосвязей политической власти и субъектов экономики. Для концептуализации современных российских реалий на мезо- и микроуровне весьма перспективным представляется синтез трех концепций: корпоративизма в форме бипартизма, плюралистического подхода к выявлению разноуровневых групп интересов и методологии сетевого анализа.

Бипартизм представляет собой модель взаимоотношений органов трех ветвей государственной власти, рассматриваемых как самостоятельные группы интересов, с бизнес-сообществом. На региональном и местном уровне акторы политической власти могут рассматриваться не как единая группа интересов, а в качестве соперничающих сообществ. В России бизнес как группу интересов целесообразно анализировать не столько в лице ассоциаций (РСПП, «Деловая Россия», «ОПОРА России», торгово-промышленные палаты), сколько в лице конкретных компаний [Перегудов 2005: 7]. Компании рассматриваются как институциональные группы интересов, нацеленные на создание в политическом поле благоприятных условий для выполнения своей основной функции — получения прибыли от хозяйственной деятельности. Модель трипартизма в политическом режиме вертикали власти неприменима, поскольку на мезо- и микроуровне активность организаций гражданского общества (третьего сектора), включающего в т.ч. предпринимательские ассоциации, ограничена.

В сетевом анализе взаимоотношений политической власти и бизнеса представляется перспективным использование количественных методов исследования, в частности метода среднеарифметической величины признака. Источниковой базой, содержащей информацию о ресурсном потенциале, ресурсных обменах, выступают данные о деятельности органов исполнительной, законодательной, судебной власти, финансовая, бухгалтерская отчетность компаний, сведения о персональных/институциональных связях и взаимозависимости акторов. В частности, возможны расчеты среднеарифметических показателей следующих взаимоотношений: представительство бизнеса в органах государственной власти и чиновников в бизнесе; налоговые, инвестиционные связи акторов сети; нормативно-правовое регулирование отношений, арбитражные споры акторов; знаковые высказывания и действия акторов в публичном пространстве, направленные на символическую оценку участников сети, и др.

Для исследования взаимоотношений политической власти и бизнеса представляется продуктивным применение концепций обмена ресурсами Дж. Тибо, Г. Келли, Д. Хоманса, П. Блау, Р. Эмерсона, в частности, идеи Р. Эмерсона о том, что власть

и структура не предшествуют обменам, а являются их функцией. Преимущества в обменах порождают власть, в состоянии баланса обменных операций власть отсутствует, а само состояние сбалансированности представляется точкой, к которой стремятся отношения обмена. «Власть А над Б эквивалентна зависимости Б от А и основана на ней. Отношения А и Б сбалансированы, если зависимость А от Б равна зависимости Б от А» [Emerson 1962]. Теория Р. Эмерсона предполагает количественную оценку отношений «власть – зависимость» в конкретной сети обменов, постоянную дихотомию «баланс/дисбаланс» – «равенство/власть-зависимость».

Для концептуализации взаимоотношений политической власти и бизнеса целесообразно использовать положения теории рационального выбора Д. Коулмена и теории общественного выбора Д. Бьюкенена [Coleman 1990; Бьюкенен 1997]. Данные теории наделяют акторов рациональностью (способностью действовать в соответствии со своими целями, ресурсами), возможностью выбора поведения (на основе оценки выгод/издержек альтернатив), стремлением к максимизации выгоды. Социальные институты могут способствовать или препятствовать достижению частных целей акторов; неполнота информации и необходимость вступать во взаимоотношения с другими акторами, наделенными своими частными целями, предопределяет разнорезультатные исходы принятых решений.

Д. Коулмен на микроуровне рассматривает взаимосвязи акторов, обменивающихся ресурсами, с целью максимизировать свою выгоду. Однако на макроуровне отношения обменов заменяются передачей прав и власти от одного субъекта к другому; вместо двух частных интересов появляется коллективный интерес, структура приобретает автономию от своих участников. Формируются социальные нормы, регулирующие поведение акторов посредством санкций или угрозы применения санкций, что приводит к стабилизации системы коллективного действия. Для принятия решений организацией (коллективным субъектом) применяется процедура голосования. Д. Коулмен отметил противоречие: на микроуровне ресурсы находятся в собственности индивидов, на макроуровне ресурсы могут концентрироваться в коллективных субъектах (правительство и корпорации), последние могут действовать как в интересах индивида, так и против них.

Д. Бьюкенен, являющийся основоположником конституционной политической экономии, в качестве базового концепта своей теории избрал «обмен», с одной стороны, поддерживая экономистов австрийской школы (Л. Фон Мизес, Ф. фон Хайек, М. Ротбард), с другой – распространяя концепт обмена с товарного рынка на политический. Посредством обменов возникают «правила игры» (институты или, в терминологии автора, конституция), гарантирующие удовлетворение индивидуального интереса в виде выигрыша от сделок. Рациональный индивид, руководствуясь принципом максимизации полезности и преследуя собственную выгоду, выбирает между институтами. Автор разработал и обосновал принцип универсальности, который предполагает равное распределение выгод и издержек между всеми гражданами, исключает коалиции бенефициаров за счет дискриминации остальных участников. Самые важные правила (конституционные нормы) утверждаются единогласно, редкие ресурсы закрепляются в виде установления прав частной собственности или жестких ограничений действий государства в сфере налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Д. Бьюкенен анализировал политику как процесс обменов ресурсами между избирателями, депутатами, чиновниками, доказывая, что государство не является нейтральным арбитром между группами интересов, а имеет свои собственные интересы. В политике акторы преследуют индивидуальные интересы (максимизация выгоды), но для победы на политическом рынке необходимо объединять усилия (коллективное действие), наиболее эффективно это делают не разрозненные рациональные индивиды, а организованные группы интересов. Заслуживают внимания выводы Д. Бьюкенена о неизбежном зле неэффективной бюрократии, о формировании в политическом пространстве «политического дохода» (политической ренты), который подразумевает получение материальных выгод политиками от занимаемой должности за счет общества или отдельных групп. Кадровая ротация чиновников/депутатов и бизнесменов создает систему «вращающихся дверей»,

позволяющую конвертировать экономический капитал в политический и наоборот.

Какими ресурсами обмениваются акторы политики и экономики? Для этого необходимо проанализировать основные классификации ресурсов власти, используемые в политических исследованиях. Ресурсы в общем виде определяются как средства, позволяющие одному актору оказывать воздействие на другого [Dahl 1991: 35; Ачкасова, Гуторова 2013: 153; Пугачев, Соловьев 2005: 100-101], как средства, позволяющие субъекту добиться доминирования [Соловьев 2005: 82-83]. В.Г. Ледяев характеризует ресурсы власти как совокупность различных средств, которые могут использоваться субъектом для подчинения объекта (а не воздействия на другого актора) [Ледяев 2001: 219]. При этом В.Г. Ледяев также указывает на следующую специфику властных ресурсов: ресурсы эффективны только в определенной ситуации применительно к определенным объектам; необходимы знания, умения, воля (мобилизация) для применения ресурсов власти. Н.Ю. Лапина определяет ресурсы власти как совокупность материальных и нематериальных средств, находящихся в распоряжении носителей власти, которые дают им преимущество над другими акторами. Применительно к региональной власти она выделяет следующие типы ресурсов. *Административные ресурсы* включают права и обязанности, зафиксированные в нормативно-правовых документах; контроль над кадровой политикой. Присвоение органом власти полномочий другого органа власти порождает неформальный политический ресурс. К *политическим ресурсам* автор относит влияние региональных руководителей на федеральную и локальную политику, способность защитить интересы области перед лицом федерального центра, массовую поддержку электората. *Экономические ресурсы* включают контроль над собственностью и процессом приватизации. *Информационные ресурсы* – контроль над СМИ [Лапина 2004: 119-124].

Таким образом, понятие «ресурсы власти» можно интерпретировать как различные средства, используемые в отношениях акторов для установления власти одного актора (государственного/негосударственного) над другим актором (государственным/негосударственным). Для целей исследования, прежде всего, следует выявить ресурсы политической (государственной) власти.

А. Этциони классифицировал ресурсы политической власти по трем признакам: нормативные (законы, ценностные ориентации), принудительные (формальные негативные санкции), вознаграждающие (экономические, социальные блага) [Etzioni 1961: 5]. Р. Даль предложил следующую классификацию политических ресурсов: свободное время, финансы, социальный статус, харизма, функционал занимаемой должности, легитимность, легальность, уровень образования, степень информированности, возможность получить поддержку граждан со схожим статусом и др. [Dahl 1961: 226-228]. М. Роджерс среди политических ресурсов выделил социальный статус, физическую привлекательность, харизматические качества, занятие позиции в государственном учреждении, наличие деловых связей, владение собственностью [Rogers 1974: 1422]. Похожая классификация, включающая образование, доступ к информации, деньги, социальный статус, престиж, поведенческие навыки и искусства, представлена в работе Г.В. Голосова [Голосов 2001].

А.И. Соловьев классифицирует ресурсы политической власти как знания, информацию, материальные ценности, утилитарные средства (социальные блага), правовые нормы, принудительные средства, территориальные ресурсы (подвластная территория), демографические ресурсы. Е.В. Головацкий анализирует политические ресурсы как часть более широкого понятия «социальные ресурсы», включающие совокупность запасов, средств, потенциалов социального взаимодействия; социальные ресурсы становятся политическими ресурсами, когда субъекты вступают в политические отношения. Автор предложил структурную схему политических ресурсов, включающую индивидуально-личностные, информационно-коммуникативные, организационно-технологические, административные, материально-технические, социокультурные ресурсы [Головацкий 2014: 125]. Н.П. Кирсанова исследовала символические ресурсы политической власти, которые понимаются как часть нормативного блока в классификации А. Этциони и

конкретизируются в виде политической мифологии, политической идеологии, символики и риторики [Кирсанова 2006].

Таким образом, в политической науке ресурсы политической власти трактуются в достаточно широком смысле. Они, в частности, включают конкретные материальные объекты, учреждения, ценности, идеологию, законы, кадры, человеческие способности и качества, территорию, информацию, формальные санкции, должностные компетенции, свободное время, престиж и др.

На основе изучения концепций и методологий, применяемых для исследования взаимоотношений политической власти и бизнеса, можно предложить синтезирующий подход «разноуровневых сетевых обменов», который использует элементы плюрализма, корпоративизма, теории обмена, теории рационального выбора, методологии сетевого анализа [Расторгуев 2015: 82-84]. Он призван объяснить формы и характер взаимоотношений органов государственной власти и бизнеса на основе количественного анализа обменов ресурсами акторов политической и экономической сферы, связанных различными каналами сетевой коммуникации.

В основе предлагаемого подхода лежат следующие положения.

- Акторами взаимоотношений являются физические и юридические лица, рассматриваемые в неразрывной взаимосвязи, ответственные за принятие решений по обменов ресурсами.

- Акторы иерархичны. В основе иерархии лежит диапазон властных полномочий по отношению к другим акторам, который измеряется уровнем способности и возможности агента, обладающего ресурсным потенциалом и испытывающего ресурсный дефицит, произвести обмены ресурсами с обладающим ресурсным потенциалом и испытывающим ресурсный дефицит агентом с распределением выгод и издержек в свою пользу.

- Ресурсы в общем виде определяются как все, что может быть использовано для обмена. Часть ресурсов перемещаются между акторами с целью возместить дефицит ресурсов; это порождает и поддерживает властные отношения. Часть ресурсов перемещается между акторами без цели возместить дефицит ресурсов; это контролирует или изменяет властные отношения.

- Среди ресурсов обмена можно выделить кадровые, финансовые, юридические, символические ресурсы. Кадровые ресурсы состоят из собственников/пользователей различных типов капитала: экономического, политического, культурного, символического, социального и др. Перемещение кадровых ресурсов между институтами политической и экономической сферы обусловлено взаимной заинтересованностью в получении дефицитных ресурсов. Финансовые ресурсы представлены денежным капиталом, который выступает посредником не только рыночных отношений в товарно-денежной форме, но и нерыночных отношений в форме налогов, благотворительности, а также коррупции. Финансовые ресурсы характеризуются наибольшей конвертируемостью в другие типы капитала. Юридические ресурсы органов государственной власти представлены решениями законодательных, исполнительных и судебных органов, обладающими обязательной силой, их можно интерпретировать как функцию политического капитала. Юридические ресурсы компаний в виде исков против органов государственной власти, перерегистрации фирм в других юрисдикциях являются функцией финансового капитала. Символические ресурсы в виде знаковых высказываний и действий, опосредованных СМИ, представляют собой символический капитал. Обмены символическими ресурсами опосредуют перемещение других типов ресурсов, конституируют властные позиции акторов в символическом пространстве. Все указанные виды ресурсов обладают свойством капитала: будучи инвестированными и потребленными, они приносят прибавочную стоимость.

- Обмены определяются как циркуляция ресурсов между акторами, позволяющая им выполнять свои институциональные функции. Взаимность обмена основана не на эквивалентности, а на установлении связи «актор 1 – актор 2» и обратной связи «актор 2 – актор 1». Перемещение ресурсов понимается как мена, которая обязательно включает взаимность, но форма ответа может быть разнообразной и проявляться как в перемещении ресурсов, так и в отказе от перемещения ресурсов.

• Обмены классифицируются как формальные (легальные) и неформальные (нелегальные), институциональные и персональные, обязательные (императивные) и добровольные (диспозитивные). Все виды ресурсов обращаются и императивно и диспозитивно, разделение связано не только с формальной и неформальной институционализацией сложившихся практик, но и с распределением власти в сетях обмена. Акторы с наибольшей властью имеют возможность максимизировать или минимизировать императивные обмены, переводить диспозитивные обмены в императивные и наоборот.

• Обмены можно зафиксировать, измерить, выразить в показателях, сравнить с другими обменами и построить количественную модель взаимоотношений на основании близости/отдаленности от среднеарифметической величины. На основании рассчитанных данных можно характеризовать распределение властных полномочий акторов, определять факторы, влияющие на баланс отношений «власть – зависимость».

• Обмены между политическими и экономическими акторами осуществляются в сетях, которые можно определить как совокупность устойчивых каналов взаимосвязей по обменов ресурсами для выполнения своих институциональных функций и реализации групповых интересов. Сеть взаимоотношений политических и экономических акторов рассматривается не как антитеза рынку и иерархии, а как интегратор рынка и иерархии, порождающий отношения «власть – зависимость». Сеть включает разные уровни обменов ресурсами, уровень зависит от локализации и специализации органа власти, от частоты и интенсивности обменов, от значимости ресурсов и взаимосвязей. Как для политических, так и для экономических акторов сеть имеет собственную конфигурацию и уровень.

• Возможны варианты кооперативных действий в процессе обменов и варианты конфликтного противодействия обменов. Эффективность достижения целей обменов может измеряться величиной транзакционных издержек, а результативность достижения целей можно определить путем сравнения достигнутых результатов с первоначальным целеполаганием.

• Органы государственной власти иерархичны по степени полномочий и ресурсному потенциалу, компании и ассоциации бизнеса иерархичны по ресурсному потенциалу. Бизнес как субъект давления направляет ресурсы в политическую сферу для реализации, прежде всего, своих экономических функций. Государство проводит экономическую политику для реализации, прежде всего, политических функций. Баланс взаимных обменов предопределяет доминирование того или иного актора. Государственные органы рассматриваются как самостоятельные институты со своими интересами, но им заранее не предписывается доминирующая позиция.

Таким образом, в отличие от плюралистической рыночной концепции, иерархической корпоративистской концепции, кооперативной неиерархической концепции политических сетей, предложенный автором статьи подход «разноуровневых сетевых обменов» является властнозависимым, ориентированным на ситуационное определение баланса «власть – зависимость» акторов в сетях обмена ресурсами.

Список литературы

- Ачкасова В.А., Гуторова В.А. 2013. *Политология*. М.: Юрайт.
- Бьюкенен Дж. 1997. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. – *Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы* (пер. с англ. под ред. Р.М. Нуреева). М.: Таурис Альфа. Т. 1. С. 31–206.
- Головацкий Е.В. 2014. Принципы типологизации ресурсов политической власти. – *Вестник Томского государственного университета*. Сер. Философия, Социология. Политология. № 1(25).
- Голосов Г.В. 2001. *Сравнительная политология*. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб. 368 с.
- Кирсанова Н.П. 2006. *Символические ресурсы политической власти: дис. ... к.соц.н.* СПб. 156 с.

- Лапина Н.Ю. 2004. *Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе*: дис. ... д.полит.н. М. 251 с.
- Ледяев В.Г. 2001. *Власть: концептуальный анализ*. М.: РОССПЭН. 384 с.
- Перегудов С.П. 2005. *Корпоративный капитал в мировой и российской политике*. М.: ИМЭМО РАН. 155 с.
- Пугачев В.П., Соловьев А.И. 2005. *Введение в политологию*. М.: Аспект Пресс. 477 с.
- Расторгуев С.В. 2015. *Взаимоотношения политической власти и бизнеса в современной России: модели и тенденции достижения баланса*: дис. ... д.полит.н. М. 590 с.
- Соловьев А.И. 2005. *Политология. Политическая теория, политические технологии*. М.: Аспект Пресс.
- Coleman J. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press. 993 p.
- Dahl R. 1961. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press.
- Dahl R. 1991. *Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.
- Emerson R.M. 1962. Power-Dependence Relations. – *American Sociological Review*. Vol. 27. No 1. P. 31- 40.
- Etzioni A. 1961. *A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement, and Their Correlates*. N.Y.: Free Press.
- Rogers M.F. 1974. Instrumental and Infra-resources: The Bases of Power. – *American Journal of Sociology*. Vol. 79.

RASTORGUEV Sergey Viktorovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of General Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskij Ave, Moscow, Russia, 125993; Rastorguev@fa.ru)

RESEARCH METHODOLOGY OF RELATIONS BETWEEN POLITICAL POWER AND BUSINESS IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the methodology for analyzing the relationship of the political actors, authorities and business in modern Russia. On the basis of synthesis of foreign and domestic experience multi-level network of exchanges is proposed as the original author's methodological approach. The concepts of bipartism, groups of interest, network analysis as well as the resources sharing paradigm are lying in its base.

Keywords: resources, sharing of resources, political network, government, business, balance

ЦАРУКЯН Роксана Оганесовна – аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1; tsarukyan.r@ya.ru)

РЕБРЕНДИНГ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР: ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные цели ребрендинга государственных структур и обосновывается его актуальность. Автор подчеркивает, что основной задачей любого ведомства в современных условиях становится модернизация, способная повысить эффективность государственного управления и расширить взаимодействие с гражданами и представителями бизнес-сообщества. Сегодня назрела необходимость в ребрендинге многих госучреждений для повышения их успешного функционирования на международной арене и повышения доверия со стороны граждан.

Ключевые слова: бренд, ребрендинг, государственные учреждения